

ПБ, З.УП.1986

Чернобыль. Мы должны ответить на вопросы. Это требуют от нас миллионы людей у нас и за рубежом. Покончить с положением, когда строят АЭС на уровне мышления 20-30 годов. Надо думать на уровне Чернобыля.

Мы 30 лет слышим от вас (ученых, специалистов, министров), что все тут надежно. И вы рассчитываете, что мы будем смотреть на вас, как на богов. От этого все и пошло. Потому что министерства и все научные центры оказались вне контроля. А кончилось провалом. И сейчас я не вижу с вашей стороны, чтобы вы задумывались над выводами. Больше все констатируете факт, а то и стремитесь замазать кое-какие.

В том, что произошла авария, виноват персонал, но масштабы аварии – в физике реактора.

Мы живем в демократическом обществе. И каждый может сказать свое мнение.

Там, где нужна централизация, там ее нет, а там, где просто гвоздь забить надо, там действуют тысячи разных ведомств. Нет более опаснее объекта, чем АЭС, ибо там миллионная мощь энергии, она опаснее любого военного объекта. Академик Долежалъ бил в свое время тревогу, но его признали некомпетентным и на пресс-конференции осрамили перед иностранными корреспондентами.

Вот к чему приводит монополия и в науке, и в производстве. Энергетическая проблема во всех аспектах – научном, экспериментальном – оказалась вне контроля.

Сколько у нас разных вотчин создано в стране? В результате мы не получали информации о том, что происходит. С такими порядками в стране мы будем кончать. От ЦК все было засекречено. Партийный работник в эту сферу и не смел лезть. Даже вопросы размещения АЭС решало не правительство. И в вопросе о том, какой реактор запустить, диктатура тоже принадлежала не правительству. Во всей системе царил дух угодничества, подхалимажа, групповщины, гонения на инакомыслящих, показуха, личные связи и разные кланы вокруг разных руководителей. Этому мы всему кладем конец.

По всему видно, что одним заседанием Политбюро мы не обойдемся, придется к этому вопросу возвращаться. Мы понесли огромные потери и не только в экономике. Были и будут жертвы. Нам нанесен политический ущерб. Поставлен под сомнение уровень всей нашей работы в области энергетики. То, что произошло, дискредитирует нашу науку и технику. Ситуация очень серьезная. И ни в коем случае мы не согласимся ни при решении практических вопросов, ни при объяснении с общественностью, чтобы скрывать истину. Мы несем ответственность и за оценку происшедшего, и за правильность выводов. Наша работа теперь на виду у всего народа и у всего мира. И думать, что мы можем ограничиться

полумерами и ловчить недопустимо. Нужна полная информация о происшедшем. Трусливая позиция – это недостойная политика.

Авария могла быть предотвращена. И если бы была правильная и своевременная информация, Центральный Комитет мог бы принять меры, и аварии не было бы. Но мы столкнулись с проявлением крайней безответственности.

Нет никаких таких интересов, которые понуждали бы нас скрывать истину. Полнота наших выводов – это то, что мы обязаны сделать перед всем человечеством.